

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

Несмотря на то, что я почти весь училищный курсъ шелъ вторымъ ученикомъ и отличался скромнымъ поведеніемъ, мнѣ не удалось избѣжать тѣлесныхъ наказаній. Не говоря уже о мелкихъ щипкахъ за волосы, я разъ получилъ отъ В. И—ча такую пощечину, что нѣсколько дней былъ боленъ нервной горячкою, и только за то, что къ назначенному сроку не приготовилъ аудиторскаго журнала, т. е. не успѣлъ распредѣлить по списку, кто у кого долженъ быть аудиторомъ. А порку я получилъ по слѣдующему памятному мнѣ случаю. Разъ, на второмъ году ученія, по греческому языку на урокъ была задана только одна фраза изъ грамматики: „звательный падежъ сходенъ съ именительнымъ“. Такъ какъ фраза эта находилась въ рубрикѣ 3-е склоненіе, то въ сокращенномъ учебникѣ про 3-е склоненіе не упоминалось, но В. И—чь настойчиво требовалъ, чтобы въ отвѣтахъ учениковъ заданная фраза дополнялась упоминаніемъ о 3-мъ склоненіи. Придя на урокъ, В. И—чь сталъ вызывать учениковъ, но отвѣты ему почему-то не понравились, и онъ приказалъ мнѣ показать, „какъ надо отвѣчать“. Предполагая, что вся ошибка моихъ товарищей, не удовлетворившихъ В. И—ча отвѣтами, заключалась въ пропускѣ словъ: „въ 3-мъ скло-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911 г.

неніи“, я ввелъ эти слова въ свой отвѣтъ, но получилъ грозное: „поставь ему два“. Такъ какъ на обязанности моей, какъ второго по успѣхамъ ученика, было отмѣчать баллы по распоряженію учителя, я долженъ былъ поставить себѣ „2“. Вызванъ былъ первый ученикъ С—въ. Его отвѣтъ вызвалъ резолюцію В. И—ча: „на колѣна, безъ обѣда!“ Наконецъ, В. И—чъ вызываетъ великовозрастнаго ученика И. Сланскаго, и тотъ громкимъ голосомъ произноситъ отвѣтъ такой же, какой дали я и С—въ. Къ нашему изумленію за свой отвѣтъ Сланскій получилъ отмѣтку 8. Тутъ только разъяснилось, что „показать, какъ надо отвѣчать“,—значило громко, на весь классъ, выкрикнуть отвѣтъ, чтобы всѣ 160 человекъ слышали примѣрный отвѣтъ, а мы съ С—вымъ не догадались этого и произнесли свои отвѣты обычнымъ тономъ, можетъ быть, даже нѣсколько пониженнымъ вслѣдствіе недоразумѣнія, въ чемъ дѣло. Результатомъ полученія мною двойки было внесеніе меня въ штрафной списокъ и присужденіе меня смотрителемъ училища къ наказанію 2 розгами. Это наказаніе и было отбыто мною въ слѣдующій понедѣльникъ при торжественной обстановкѣ, вмѣстѣ съ другими плохо учившимися товарищами. Не физическая боль (сѣкуторъ еле коснулся розгой), даже не стыдъ предъ товарищами были горьки: обидно было, что розги получены совершенно безвинно.

Въ теченіе 6 лѣтъ мы выучили по-гречески и по-латыни краткую этимологию и еще болѣе краткій синтаксисъ: умѣли склонять и спрягать¹⁾, могли опредѣлить, какихъ падежей требуютъ извѣстные предлоги, и успѣли перевести нѣсколько басенъ Эзопа и мелкихъ рассказовъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій.

Казалось бы, что специальная духовная школа должна была широко поставить дѣло преподаванія Закона Божія. А между тѣмъ за 6 лѣтъ пребыванія въ духовномъ училищѣ мы успѣли вы зубрить только краткій и пространнѣй катехизисъ, священную исторію Базарова и краткое ученіе о Богослуженіи. Начали мы Законъ Божій съ того, что въ долбежку (у насъ говорилось также „на зубокъ“

¹⁾ Интересно, что образцомъ спряженій глаголовъ въ грамматикѣ нашей былъ глаголъ *Τύπτω*-бью, какъ разъ подходящій къ тогдашней системѣ воспитанія. Вообще въ нашихъ учебникахъ и примѣры-то были какіе-то особенные. Напримѣръ, въ греческой грамматикѣ въ отдѣлѣ синтаксиса мы учили: „*ἔλκω τινὰ ρινός*“—тяну кого-либо за носъ“. А составитель русской грамматики откуда-то выкопалъ стихи:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже.

или „въ зубрежку“) заучили изъ краткаго катехизиса, что „Единъ Богъ, поклоняемый во Святой Троицѣ, есть вѣченъ, т. е. не имѣеть ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ“. Припоминаю, какъ слабые изъ моихъ товарищей зубрили эту фразу. Зажметъ 9—10 лѣтній мальчуганъ уши, чтобы не слышать товарищей, которые тоже зубрятъ, и начинаетъ затверживать фразу по частямъ: „Единъ Богъ... Единъ Богъ“ и т. д., по нѣскольکو словъ прибавляя къ зазубренному. Пространный катехизисъ Филарета тоже выучивался наизусть. У насъ были молодцы, которые знали наизусть, подрядъ, весь катехизисъ съ вопросами и отвѣтами и могли безъ запинки отвѣтить на такіе вопросы: „почему сіе важно?“ „Что сіе значить?“ Даже священная исторія училась наизусть; вызывая ученика, учитель и по этому предмету приказывалъ ученику „читать урокъ“. Начнетъ, бывало, иной ученикъ „читать урокъ“ по священной исторіи. Останови его учитель, и ученикъ собьется и, чтобы продолжать „чтеніе“ урока, долженъ начинать съ самаго начала заданнаго урока. Вообще, въ громаднѣхъ нашихъ классахъ, изъ 160—180 учениковъ значительное количество было мало подготовленныхъ и, прямо сказать, тупицъ, которые могли только зубрить, да и то съ трудомъ. При этомъ считаю нужнымъ рассказать не анекдотъ, а дѣйствительное событіе, хотя оно и смахиваетъ на извѣстный анекдотъ. Былъ у насъ въ низшемъ отдѣленіи ученикъ Гавріилъ Ивановъ, сынъ консисторскаго сторожа. Бѣднякъ, плохо одѣтый, совершенно неразвитой, онъ, повидимому, былъ одинъ изъ представителей типа вырождающихся. Въ классѣ онъ былъ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательства со стороны товарищей и учителей. Разъ, чтобы потѣшиться надъ Ивановымъ, учитель предложилъ ему вопросъ: „у Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Кто у нихъ былъ отецъ?“ Ивановъ затрудняется отвѣтить. Учитель иллюстрируетъ вопросъ примѣромъ, который уже не можетъ быть не понятенъ даже и Иванову. „Ну, вотъ, у консисторскаго сторожа Петра Петровича Иванова есть сынъ Гавріилъ Петровичъ Ивановъ. Кто у него отецъ?—„Петръ Петровичъ“, отвѣчаетъ Ивановъ. — Такъ, подтверждаетъ учитель. Такъ вотъ и у Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Кто же у нихъ былъ отецъ?—Петръ Петровичъ,—отвѣчаетъ Ивановъ къ всеобщему восторгу учениковъ и учителя. Хохоchetъ весь классъ, хохоchetъ и учитель, и только Ивановъ растерянно озирается,—что, молъ, значить этотъ смѣхъ. Къ чести нашего училища, я, впрочемъ, долженъ сказать, что Ивановъ дальше низшаго класса не пошелъ. Просидѣвъ въ немъ года четыре, онъ, помнится, за малоуспѣшность и неспо-

собность, былъ переведенъ въ такъ называемый „причетнической классъ“¹⁾.

Въ среднемъ и въ высшемъ отдѣленіяхъ мы проходили географію и русскую исторію: первую — по Ободовскому, заучивая на память, почти безъ картъ, физическое и политическое обозрѣніе частей свѣта, а вторую — по учебнику Устрялова. Это была маленькая книжечка. Изложеніе ея было такъ сокращено, что выпустить что-нибудь представлялось положительно невозможнымъ и, по существующей методѣ, приходилось зубрить даже и русскую исторію, начиная съ опредѣленія ея въ учебникѣ²⁾. При этомъ не обходилось безъ курьезовъ. Одинъ изъ насъ, заучивъ урокъ о царствованіи Ивана III, гдѣ говорилось, что этотъ царь строилъ церкви (и между прочимъ Успенскій соборъ въ Москвѣ), лилъ пушки и укрѣплялъ города, прочиталъ эту фразу такимъ образомъ, что будто Успенскій соборъ лилъ пушки и укрѣплялъ города. Такіе курьезы, впрочемъ, были нерѣдки при зубрежкѣ и по другимъ предметамъ. Такъ, одинъ изъ моихъ товарищей, уже имѣя не менѣе 16 лѣтъ отъ роду, въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова „Бородино“, передавая ропотъ стариковъ на долгое отступленіе предъ Наполеономъ, произнесъ: „Не смѣютъ что ли командиры чужіе изорвать мундиры? О, русскіе штыки!“

Шестилѣтнее пребываніе въ духовномъ училищѣ давало намъ мало научныхъ свѣдѣній. Крѣпко ложились въ головѣ зазубренныя фразы учебниковъ, но это были обрывки знаній, безъ связи и системы. Учителя почти не объясняли уроковъ, и все зависѣло отъ памяти ученика и его самодѣтельности. Оттого въ громадныхъ классахъ въ 150—180 учениковъ, только первые два десятка учениковъ, наиболѣе способныхъ и самодѣтельныхъ, кое-что знали. Остальные еле-еле плелись, а цѣлыя десятки учениковъ сидѣли въ классѣ по 4 года въ каждомъ и, такимъ образомъ, пробывъ въ училищѣ лѣтъ 12-ть, уже взрослыми людьми оставляли низшую школу, не успѣвъ подготовиться къ средней школѣ — духовной семинаріи. Они возвращались въ родительскіе дома, пристраивались на мѣста дьячковъ и пономарей, а зачастую приписывались къ податнымъ сословіямъ, „избирая, какъ тогда говорилось, родъ жизни“ или крестьянъ или мелкихъ ремесленниковъ и совершенно теряя типъ

¹⁾ Такъ называлось отдѣленіе для подготовки въ причетники (дьячки и пономари). Имъ завѣдывалъ протодіаконъ Т. М. С—въ, отецъ извѣстнаго и теперь опернаго пѣвца—баса К. Т. С—ва.

²⁾ „Русская исторія есть наука, объясняющая постепенное развитіе нашего отечества отъ перваго его начала до настоящаго времени“.

членовъ сословія, все-таки въ нѣкоторомъ смыслѣ привилегированнаго.

XVII. Возвращеніе изъ класса на квартиры.

Занятія въ училищѣ оканчивались около 2 часовъ дня. Завязавъ книжки въ платки (другихъ приспособленій для ношенія книгъ не было), ученики гурьбами выбѣгали изъ училища и разбрѣдались, стараясь идти, по возможности, кучками. Это былъ своего рода стратегическій пріемъ. Дѣло въ томъ, что между учениками духовной школы („кутейниками“) съ одной стороны и учениками городскихъ школъ и гимназистами съ другой стороны—существовала исконная вражда, нерѣдко оканчивавшаяся при встрѣчахъ дракою. Группа кутейниковъ не пройдетъ, бывало, мимо группы „гужей“ (такъ называли у насъ учениковъ городскихъ школъ) или красной говядины, какъ назывались гимназисты¹⁾, чтобы не обмѣняться взаимными комплиментами, а за словесными оскорбленіями подчасъ слѣдовалъ и рукопашный бой. При такой натянутости отношеній идти по улицѣ одному ученику того или другого лагеря было не безопасно. Я разъ какъ-то зазѣвался, поотсталъ отъ товарищей и былъ застигнутъ толпою „гужей“. Убѣдившись, что наши силы не равны, я счелъ дальнѣйшее сопротивленіе бесполезнымъ, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ, завернувъ свою голову воротникомъ тулупа, лечь на землю, въ расчетѣ, что сквозь толстый тулупъ удары дѣтскихъ кулачишекъ не будутъ особенно чувствительны. Снабдивъ меня нѣсколькими, не особенно для меня тяжелыми тумачами, толпа гужей удалилась.

XVIII. Обѣдъ семинаристовъ.

Вернувшись домой, мы садились обѣдать. Обѣдъ подавался намъ въ хозяйской кухнѣ. За большимъ столомъ усаживалось человекъ 8—12. Одинъ изъ старшихъ нарѣзалъ большіе ломти чернаго, по большей части, хорошо выпеченнаго хлѣба. Весною, когда былъ запасъ привезенныхъ изъ дома пасхальныхъ яицъ, хорошо перепеченныхъ и долго сохранявшихся, обѣдъ начинался окрошкою изъ яицъ, зеленаго лука и кваса. За этимъ слѣдовали щи или картофельная похлебка, въ скоромные дни — съ говядиной. Говядину старшій собственноручно разрѣзалъ на мелкіе кусочки, которые всѣ

¹⁾ Гимназисты въ началѣ 60-хъ годовъ носили фуражки съ краснымъ околышемъ и потому ихъ прозвали красною говядиною. Когда имъ дали синія фуражки съ гербомъ и буквами „Т. Г.“ ихъ стали дразнить „тухлою говядиною“.

и опускалъ въ стоявшую посреди стола большую миску со щами. Кости отъ мяса („мослы“—отъ слова „мосоль“) доставались малышамъ или по очереди, или по заслугамъ: за хорошую отмѣтку или за то, что малышъ несъ съ базара говядину, купленную старшимъ. Отдѣльныхъ приборовъ у насъ не было: все обѣденное вооруженіе состояло изъ деревянной ложки. Въ особомъ почтеніи были деревянные ложки работы саровскихъ монаховъ. Они были довольно изящно вырѣзаны; на концахъ ручекъ ихъ обыкновенно была вырѣзана рука, сложенная для крестнаго знаменія, или благословляющая. На самой ложкѣ внутри обыкновенно было нарисовано черною краскою изображеніе церкви. Но большею частью въ употребленіи были простыя круглыя или лодочкой ложки, покрытыя желтымъ лакомъ. Ъли всѣ изъ одной миски, при чемъ до особой команды старшаго никто не смѣлъ вылавливать изъ щей говядину. Когда старшій замѣчалъ, что въ мискѣ уже мало щей, онъ командовалъ: „omnibuscum“, т. е. совсѣмъ, и тогда начинали ловить говядину. Строго наблюдалось, чтобы больше одного кусочка говядины въ одинъ разъ не набирать въ ложку. Ъшь, какъ хочешь, быстро, но лишь таская по одному кусочку говядины. Обыкновенно каждому доставалось куса по 4—5 говядины, но болѣе проворные въ ѣдѣ успѣвали вытянуть и больше. Бывали и такіе случаи. Иной изъ малышей, которому надоѣло глотать пустыя, безъ говядины, щи, въ ожиданіи команды: „omnibuscum“ положить свою ложку да еще внутреннею стороною вверхъ. Какъ только раздается команда старшаго о дозволеніи таскать и говядину, кто-либо изъ сосѣдей малыша ударить своею ложкою по опрокинутой ложкѣ, и она отлетаетъ въ сторону. Пока-то онъ добудетъ ее, часть говядины уже съѣдена. Такъ наказывалось ротозѣйство. Вообще, проворство въ ѣдѣ не считалось недостаткомъ, и поговорка: „кто смѣлъ, тотъ два съѣлъ“ да одиннадцатая заповѣдь: „не зѣвай“ находили у насъ полное примѣненіе въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, ѣды.

За щами или похлебкой слѣдовала каша, по большей части гречневая (бывала и пшенная); ее сдабривали небольшимъ кускомъ коровьяго масла или (въ постные дни) нѣсколькими ложками боноплянаго масла. Посты строго соблюдались,—въ среду и пятницу каждой недѣли, весь Великій постъ, Петровъ и Филипповъ посты пища была постная.

XIX. Постобѣденныя занятія. Игры. Кулачные бои въ городѣ.

Кашею заканчивался обѣдъ. Строго слѣдуя латинской пословицѣ: „satur venter non studet libenter“, соотвѣтствующей русской по-

говоркѣ: „сытое брюхо къ ученью глухо“, мы послѣобѣденное время посвящали играмъ и забавамъ. За совершеннымъ отсутствіемъ образовательныхъ игръ, приходилось довольствоваться самыми обыкновенными. Наиболѣе любимыми и распространенными играми были: лѣтомъ — лапта, свѣчки (игра съ мячикомъ), шары или клюшки и „козанки“, или бабки. Послѣдняя была даже на интересъ и потому осложнялась даже разными приспособленіями. Козанки, или бабки— это небольшія кости изъ говяжьихъ ногъ. Ихъ разставляютъ на полянкѣ или лужайкѣ и стараются сбить. Сбившій получаетъ то, что онъ сбиль, и это составляетъ его въ нѣкоторомъ смыслѣ богатство. У насъ были богачи, которые имѣли до сотни паръ козанковъ, частью привезенныхъ изъ деревни, частью купленныхъ (на копейку 10 паръ, на яйцо 5 паръ), а частью выигранныхъ у товарищей. „Битки“, т. е. тѣ бабки, которыми сбивались разставленные пары, наливались свинцомъ, и ловкость игрока заключалась не только въ томъ, чтобы попасть въ разставленные ряды, но и въ томъ, чтобы сбить какъ можно больше паръ.

Зимою забавлялись въ снѣжки, дѣлали снѣговья фигуры, устраивали горы для катанья съ нихъ, катались на салазкахъ и на льду замерзшей рѣки, устраивали кулачные бои, какъ между собою, такъ и съ мѣщанами. Впрочемъ, въ послѣдней забавѣ малыши не принимали дѣятельнаго участія. Они только начинали бой, а продолжали его уже великовозрастные взрослые семинаристы. Въ мое время бои въ городѣ уже переводились, такъ какъ полиція стала преслѣдовать ихъ, но все же я былъ очевидцемъ нѣсколькихъ серьезныхъ боевъ, бывшихъ, по большей части, въ зимнее время, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Производились они, помнится, на 2 Долевой улицѣ, гдѣ полиція появлялась рѣдко. Одну сторону представляли мѣщане, а другую — болѣе интеллигентныя сословія: мелкіе чиновники, семинаристы и отчасти купцы. Насколько помнится, купцы фактически не участвовали въ кулачныхъ бояхъ. Ихъ вмѣшательство сводилось къ тому, что они угощали водкой или пивомъ „бойцовъ“ покровительствуемой ими стороны, подогрѣвая въ нихъ удалъ и молодечество. Имена нѣсколькихъ такихъ бойцовъ очень славились. Подвиги ихъ были предметомъ разсказовъ, и долго между семинаристами вспоминались сила и ловкость какого-нибудь Преображенскаго или Воздвиженскаго, когда-то содѣйствовавшихъ поражению мѣщанъ на особенно памятныхъ бояхъ. Переставъ участвовать въ бояхъ, когда начиналась борьба взрослыхъ, малыши оставались зрителями интересной борьбы, лѣпились по заборамъ и возвышеніямъ, чтобы не упустить наиболѣе интересныхъ моментовъ боя, зябли на морозѣ, плохо одѣтые и плохо обутые, и все-таки не

уходили, пока не оканчивался бой съ наступленіемъ темноты или пока полиція не прекращала его...

XX. *Подготовленіе уроковъ.*

Часу въ пятомъ по полудни мы сѣдѣли за уроки. Въ небольшой, плохо освѣщенной сальной свѣчкою комнатѣ 4—5 человекъ громко зубрятъ уроки, стараясь заглушить другъ друга. Кто учитъ нотную азбуку, стараясь запомнить, между какими линейками та или другая нота; кто выводитъ самыя ноты и „по солямъ и по тексту“. Въ одномъ углу слышишь латинскія, въ другомъ греческія склоненія и спряженія. Въ комнатѣ старшихъ семинаристовъ въ это время услышишь игру какого-либо артиста на гитарѣ или скрипкѣ, сопровождаемую подпѣваньемъ его самого и товарищей. А нерѣдко, смотришь, на столѣ засаленныя карты, и слышатся возгласы: „пассъ, вистъ, безъ одной“ и т. п. А иной игрокъ, дѣлая ходы, сопровождаетъ ихъ протяжнымъ пѣніемъ: „Волною морскою“...

При такихъ условіяхъ ученику, не могущему сосредоточиться и углубиться въ учебникъ, было трудно заучивать уроки. Поэтому нѣкоторые, болѣе прилежные ученики устраивали себѣ особыя будки. При помощи стульевъ, скамеекъ и одѣялъ устраивали шалашъ, въ которомъ при свѣтѣ сальной свѣчи можно было предаться зубренію, не нуждаясь уже въ затыканіи ушей отъ постороннихъ звуковъ. Лѣтомъ, конечно, было больше удобства: садикъ, палисадникъ, огородъ, а то чердакъ и сарай — все это представляло извѣстныя удобства, чтобы уединиться. Но зато лѣтомъ бывало больше соблазна: садъ и огородъ и „вольный воздухъ“ не особенно располагаютъ къ книжному занятію.

XXI. *Ужинъ. „Дачное“ препровожденіе времени. Пѣніе.*

Часовъ въ 9 вечера подавался ужинъ, состоявшій изъ щей и каши или картофеля. Послѣ ужина устраивалось нерѣдко пѣніе. Послѣднее было въ ходу, особенно весною и лѣтомъ, когда изъ душныхъ комнатъ мы переселялись „на дачи“. Въ Т—вѣ почти каждый домъ, гдѣ жили семинаристы, былъ съ садомъ. Подъ большими вязами, кленами и липами мы устаривали себѣ постели. Нѣкоторые, какъ птицы, располагались на самыя деревьяхъ, прибивши доски между крупными вѣтвями, невысоко отстоявшими отъ земли. Здѣсь-то „на дачахъ“, раздавалось привольное пѣніе. Старшіе, обыкновенно, уходили гулять, играть на билиардѣ или сѣдѣлись играть въ карты, а малышамъ и подросткамъ раздолье. Во время сильнаго дождя (малаго мы не боялись) наши „дачи“ сильно протекали, и бывали нерѣдко случаи, когда мы съ подуш-

ками, одѣялами и войлоками, замѣнявшими у насъ матрацы, наскоро удирали отъ дождя и грозы въ комнаты и здѣсь въ духотѣ проводили остатокъ ночи.

Хоровое пѣніе было почти единственнымъ, болѣе или менѣе образовательнымъ развлеченіемъ семинаристовъ. На нѣкоторыхъ семинарскихъ квартирахъ можно было найтти и гитариста, но все это были самоучки, выучившіеся играть безъ нотъ. Пѣніе между семинаристами было развито, но тоже безъ нотъ, съ голоса, по слуху и памяти. Пѣть у насъ любили, и по вечерамъ, особенно въ маѣ, іюнѣ и августѣ, проходя мимо семинарскихъ квартиръ, можно было слышать стройное хоровое пѣніе, раздававшееся изъ садовъ, окружавшихъ семинарскія квартиры. Кромѣ церковныхъ пѣснопѣній (особенно любимыми были: Да исправится молитва моя..., Покаянія отверзи ми двери..., Достойно есть), слышны были и свѣтскія пѣсни какъ тѣ, о которыхъ я уже сказалъ раньше, такъ и кое-что болѣе новое. У насъ уже пѣли изъ Пушкина (Утопленникъ, Въ рѣкѣ бѣжить гремучій валъ), Лермонтова (Спи, младенецъ мой прекрасный), Кольцова и Никитина. Благодаря сосѣдству съ малороссійскими губерніями, до насъ доходили и малороссійскія пѣсни, но въ страшно искаженномъ видѣ. Наконецъ, въ ходу были и нѣкоторые оперные номера. Помню, особенно большой успѣхъ имѣли: хоръ (Гой ты, Днѣпръ...), арія Торопки-Головина—„Близко города Славянска“, а семинаристы, обладавшіе басомъ, небезуспѣшно воспроизводили даже арію Неизвѣстнаго изъ оперы Верстовскаго „Аскольдова могила“: „Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“. О пѣніи семинаристовъ у меня сохранились самыя пріятныя воспоминанія. Немного поздиѣе, когда я поступилъ уже въ семинарію (въ 1868 г.), у насъ въ семинарской церкви организова-лось общее пѣніе. Любо было слушать, какъ подъ руководствомъ опытнаго учителя пѣнія (Пр. С—ва) болѣе 600 молодыхъ голосовъ дружно и громко, но вполне благолѣпно пѣли церковные гимны даже обыкновеннаго напѣва: „Свѣте тихій“, „Взбранной воеводѣ“, „Слава въ вышнихъ Богу“, „Хвалите имя Господне“, „Отче нашъ“, „Достойно есть“ и т. д. Навѣрное знаю, что общее въ церкви пѣніе привлекало въ семинарскую церковь богомольцевъ и „изъ общества“¹⁾.

¹⁾ Спустя лѣтъ 30-ть мнѣ въ М—вѣ пришлось опять слышать общее пѣніе прихожанъ въ кафедральномъ соборѣ на внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ, устраивавшихся благодаря стараніямъ моего земляка, мѣстнаго кафедральнаго протоіерея В. М. У—скаго, и это напоминало мнѣ наше старое семинарское пѣніе всею церковью. Жаль, что этотъ прекрасный обычай, при-

XXII. Праздничные дни. Посѣщеніе церкви.

Праздничные дни у семинаристовъ разнообразились посѣщеніемъ церкви. Кажется, до 1867 года, пока въ нашемъ училищѣ не устроена была своя церковь, всенощная служилась у насъ въ помѣщеніи бурсацкой столовой. Къ обѣднѣ же мы ходили въ приходскія церкви или въ мужской монастырь, гдѣ была архіерейская служба, прекрасный архіерейскій хоръ, громогласный протодіаконъ и діаконъ. У насъ, учениковъ, были свои любимцы—діакона. Кто предпочиталъ Краснопѣвцева, кто Лебедева; иному нравился Фенелоновъ, а иной восхищался феноменальною октавою варваринскаго діакона, про котораго рассказывали, будто, встрѣтивъ на набережной рѣки быка, который не хотѣлъ уступить ему дорогу, онъ такъ крикнулъ на быка, что тотъ съ испугу бросился въ рѣку. О. Лебедевъ былъ солистомъ архіерейскаго хора и славился красивымъ высокимъ басомъ. Его solo въ извѣстномъ стихѣ: „покаянія отверзи ми двери“ положительно приводило въ восторгъ слушателей, и трудно было не поддаться понятному настроенію подъ впечатлѣніемъ высокохудожественнаго и умилительнаго напѣва прекрасно исполненнаго покаяннаго стиха.

Весною, въ пору ягодъ, мы любили посѣщать стоящую за городомъ на горѣ небольшую кладбищенскую церковь. Тамъ можно было погулять на свѣжемъ воздухѣ среди благоухающихъ полей и ароматныхъ луговъ и полакомиться первыми ягодами земляники и полевой клубники. А главное—здѣсь уже далеко отъ начальства, которое обыкновенно строго требовало, чтобы во время богослуженія ученики не выходили изъ церкви. Вообще посѣщеніе церкви въ праздничные и воскресные дни было обязательнымъ и, бывало, „старшій“ по квартирѣ, чтобы убѣдиться, былъ ли мальчикъ въ церкви, спрашивалъ его, какой священникъ и діаконъ служили и какое читалось евангеліе.

XXIII. Лѣтнія развлечения. Рекреаціи.

Весеннее и лѣтнее время (май и іюнь) разнообразилось у насъ рыбною ловлею, купаньемъ, ловлею раковъ и такъ называемыми рекреаціями. Наиболѣе распространенною и интересною была ловля раковъ, которыми изобиловала ближайшая рѣка и ея притоки и

влекающій всѣхъ богомольцевъ къ дѣятельному участию въ Богослуженіи, не находитъ себѣ поддержки въ высшихъ представителяхъ нашего духовенства.

протоки, называвшіеся у насъ ериками. Раковъ ловили мы руками. Рѣки и протоки имѣли много пороговъ, или обрывовъ, какъ около береговъ, такъ и въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи. Пороги эти были изрыты раковыми норами, извилистыми и глубокими, и умѣнье ловить раковъ заключалось въ томъ, чтобы розыскать самые пороги, а затѣмъ уже раковыя норы, въ которыхъ гнѣздились крупные экземпляры раковъ. Таковыя водились обыкновенно въ глубокихъ порогахъ, чтобы разыскать которые нужно было нырять, а слѣдовательно нужно было умѣть хорошо плавать. Не очень-то легко доставались крупные экземпляры. Иной разъ вцѣпится тебѣ громадный ракъ въ палецъ громадною клешнею, и освободиться отъ него можно было, только отломавъ клешню. Трудно было ловить раковъ, но зато по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ у насъ бывалъ прекрасный ужинъ.

Припоминаю два бывшихъ со мною случая изъ области раковаго спорта. Одинъ разъ, погрузившись глубоко въ воду, я долго обшаривалъ порогъ, ища раковъ. Наконецъ, крупный экземпляръ былъ найденъ, но взять его оказалось затруднительнымъ, благодаря кривизнѣ норы. Между тѣмъ въ водѣ, безъ дыханія, становилось тяжело,—требовалось вздохнуть, а ракъ все не давался. Еле-еле, наконецъ, ракъ попался ко мнѣ въ руку, но, поднимаясь на поверхность воды со своею добычею, я порядочно-таки наглотался воды. Другой случай былъ болѣе комичный. Чтобы перебраться на другую сторону рѣки, мы пользовались однимъ мѣстомъ противъ Покровской церкви, гдѣ рѣка была не глубока и гдѣ при переправѣ нужно было проплыть только нѣсколько саженой. Завернувъ свое немудреное платье на голову и взявъ въ одну руку сапоги, я съ товарищами перебрался черезъ рѣку, чтобы наловить раковъ въ ерикѣ. Уловъ былъ обильный, и у меня въ небольшомъ холщевомъ мѣшечкѣ оказалось десятка 2—3 крупныхъ раковъ. Обратный путь черезъ рѣку былъ тотъ же. Чтобы имѣть одну свободную руку для плаванія, я мѣшокъ съ добычею взялъ въ зубы и сталъ переправляться, держа сухое платье на головѣ, а сапоги въ лѣвой рукѣ. Сначала все было хорошо, но когда я поплылъ на спинѣ, раки зашевелились и черезъ тонкій мѣшокъ такъ стали колоть мнѣ грудь, что я не выдержалъ и вынужденъ былъ взять мѣшокъ въ правую руку, а чтобы удержаться на водѣ, долженъ былъ опустить лѣвую руку съ сапогами. Голова моя нѣсколько разъ наклонялась къ водѣ, и я окончилъ переправу, смочивъ и платье и сапоги. Пришлось выждать нѣсколько часовъ на берегу рѣки, пока на горячемъ отъ солнца пескѣ мой костюмъ достаточно просохъ, чтобы въ немъ можно было путешествовать черезъ городъ.

Рекреаціи—это будніе дни, въ которые начальство освобождало учениковъ отъ уроковъ на цѣлый день, позволяя день этотъ проводить за городомъ. Рекреаціи обыкновенно давались въ маѣ мѣсяцѣ. Я едва ихъ засталъ,—въ мое время онѣ уже отживали свой вѣкъ. Но раньше, по рассказамъ старшихъ семинаристовъ, рекреаціямъ придавалась нѣкоторая торжественная обстановка. Такъ, въ маѣ, когда устанавливалась хорошая погода, семинаристы отправляли къ ректору семинаріи депутацію—съ просьбой о рекреаціи. Эта просьба излагалась въ видѣ положенной на ноты кантаты слѣдующаго содержания: *Reverentissime, pater nostrarum musarum, Rector! Carissime vogamus, carissime vogamus recreationem.* И ректоръ, обыкновенно, удовлетворялъ просьбу. А такъ какъ духовныя училища были отчасти подъ начальствомъ семинарскаго ректора, то его разрѣшеніе рекреаціи распространялось и на учениковъ духовныхъ училищъ, и такимъ образомъ рекреаціями пользовались одновременно ученики всѣхъ духовныхъ заведеній: семинаріи и двухъ духовныхъ училищъ. Получалась довольно оживленная картина. Толпы взрослыхъ семинаристовъ, дѣтей и подростковъ двигались за городъ. Кто шелъ ловить рыбу и раковъ, иные плыли на лодкахъ къ Т-ву монастырю, расположенному въ лѣсистой живописной мѣстности при рѣкѣ Ц-ѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Т-ва. На рѣкѣ на лужайкахъ и въ лѣсу раздавалось стройное пѣніе: „Вдоль да по рѣчкѣ“... „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“... „Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ“... Судя по времени года, когда устраивались рекреационныя гулянья, ихъ можно было сравнять съ майскими праздниками рабочихъ, но въ нашихъ рекреаціяхъ ничего политическаго не было. У насъ политикою не занимались, да едва ли кому-либо изъ учениковъ рекреационныхъ гуляній и извѣстно было значеніе западно-европейскихъ майскихъ дней рабочихъ.

XXIV. Каникулярное время. Путешествіе въ родительскій домъ.

Первая половина учебнаго года отъ 1 сентября по 20 декабря была самая тяжелая. Въ ней не было такихъ перерывовъ въ занятіяхъ, каковыми были во второй половинѣ года масленица съ первою недѣлею Великаго поста и Пасха со страстною недѣлею. Всѣ эти каникулы представляли для насъ двойной интересъ: и какъ время отдыха, и какъ посѣщеніе родительскаго дома. Обыкновенно только ученики, не имѣвшіе родителей, или уроженцы мѣстностей, далеко расположенныхъ отъ г. Т., не пользовались зимними каникулами. Всѣ же остальные отправлялись домой, кому какъ приходилось. Въ то время желѣзныя дороги еще мало пересѣкали Т-скую губ. и чтобы, напр., проѣхать отъ г. Т. до г. М-ска (раз-

стояніе по прямому пути 90 верстъ) по желѣзной дорогѣ, нужно было тащиться около сутокъ и около 300 верстъ. Почтовыми лошадьми мы никогда не пользовались, благодаря дороговизнѣ этого способа сообщенія. За нѣкоторыми изъ насъ изъ дома родительскаго присылали лошадей, но самымъ обыкновеннымъ способомъ путешествія на родину были поѣздки съ извозчиками, которые приѣзжали въ Т-въ съ товарами и везли оттуда какую-либо кладь. За какія-нибудь 50—75 коп. такой извозчикъ соглашался подвезти мальчугана до родного села чуть не сотню верстъ. И вотъ, предъ Рождествомъ, масленицей и страстной недѣлей по большимъ трактамъ изъ г. Т. можно было видѣть длинный рядъ саней, на которыхъ часть клади составляли семинаристы, отправлявшіеся къ пенатамъ. Зимой кладь эта довольно смирно сидитъ на саняхъ, зарывшись въ сѣно, солому и накрывшись отъ холода рогожами и торпищами (нѣчто вродѣ теперешнихъ брезентовъ). Но какъ только морозъ и вѣтеръ сковывали плохо обутыя ноги, да и плохо одѣтыя туловища начинали коченѣть отъ холода, семинаристы соскакивали съ саней, чтобы отогрѣться, бѣгая около возовъ. А лѣтомъ малышей и не заставишь сидѣть на возу: почти всѣ они бѣгутъ за возами, и только изрѣдка иной присядетъ на облучекъ телѣги, чтобы немного отдохнуть отъ бѣготни. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что лѣтомъ значительная часть семинаристовъ отправлялась на каникулы по образу пѣшаго хожденія. И это было очень веселое путешествіе. Шли цѣлыми группами; пѣсни, рѣзвость, масса впечатлѣній. Багажъ былъ самый незначительный: „отпиа теа месин рога“—въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Маленькая котомка съ парой бѣлья, сапоги (предпочиталось идти босикомъ—легче да и сапоги не изобьются), да палка, вотъ и все, что бралось съ собою. Отдыхъ—гдѣ-нибудь у ручья или на берегу рѣки. Можно закусить взятымъ съ собою кускомъ хлѣба и запить закуску водою изъ ручья. Можно выкупаться, порѣзвиться на бархатной зеленой лужайкѣ, можно половить рыбъ или раковъ, побросать камней въ рѣку—какое разнообразіе удовольствій для непривыкшихъ къ болѣе изысканнымъ удовольствіямъ малышей. Иногда отдыхъ устраивался и въ деревняхъ, въ эту пору по случаю страдной поры, почти пустыхъ. А тутъ, смотришь, какая-нибудь сердобольная старушка-крестьянка, у которой спросятъ малыши, не продаетъ ли она хлѣба, вынесетъ и кувшинъ квасу, и крынку молока и угоститъ малышей. Ночлегъ, большею частью, устраивался у родныхъ или знакомыхъ изъ духовенства или родителей одного изъ путниковъ, путешествіе котораго окончилось. Такъ бредутъ ученики дня по 2—5, съ ранняго утра (по холодку легче идти) до поздней ночи, пока добредутъ

до родныхъ сель. Сначала идутъ бойко, но потомъ прыть соскакиваетъ, и спишь, какъ убитый, когда доберешься до ночлега. Я дважды шелъ пѣшкомъ на лѣтнія каникулы. Одинъ разъ, въ 1866 году, мнѣ не хотѣлось подождать 2—3 дня, пока мой старшій братъ окончитъ экзамены, когда за нимъ отецъ долженъ былъ выслать работника съ лошадыю, а другой разъ—передъ Пасхой, когда я, по случаю распутицы, не предполагалъ, что за мною будетъ выслана подвода. Въ первый разъ я въ 2 дня прошелъ около 90 верстъ въ компаніи съ 2—3 мальчиками. Съ непривычки дѣлать большія путешествія пѣшкомъ я на второй день страшно усталъ,—усталъ до такой степени, что, добравшись поздно ночью до сада своихъ родителей и сѣвъ отдохнуть, пока мои товарищи прятали свои папирсы въ плетвѣ сосѣдняго огорода, я не въ состояніи былъ добраться до дома родителей и ночевалъ въ саду, къ тому же, пришлось бы, пожалуй, долго стучаться, пока родные мои, утомленные лѣтнею работою, проснутся. Въ другой разъ, кажется, въ слѣдующемъ году, на 6 недѣль Великаго поста, я съ товарищами прошелъ только 35 верстъ, такъ какъ дорогою мы встрѣтили посланныхъ за нами верховыхъ лошадей, на которыхъ мы и продолжали дальнѣйшій путь. Сначала мы рады были лошадямъ, да еще верховымъ,—такъ пріятно было погарцовать хотя не на очень лихихъ коняхъ. Но стоявшая раньше хорошая погода вдругъ испортилась: подулъ сильный вѣтеръ съ гололедицею, и наше легкое платье, очень подходящее къ пѣшему хожденію, стало продувать насквозь; неприспособленные къ верховой ѣздѣ штанишки полѣзли наверхъ; ѣхать верхомъ безъ сѣделъ и стремянъ стало больно, и мы поневолѣ частенько-таки стали соскакивать съ лошадей, чтобы согрѣться и поразмять ноги. Къ довершенію всего, присланная для меня отцомъ лошадь оказалась довольно толстою (припомните, какъ Лука въ поэмѣ Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ характеризуетъ поповскую лошадь); сидѣть на ней верхомъ можно было, только широко разставивъ ноги. Результатомъ этого было то, что, проѣхавъ 45 верстъ, я почти всю страстную недѣлю едва могъ ходить отъ боли въ ногахъ.

Хорошо помню еще одно, уже зимнее мое путешествіе на родину. Въ началѣ декабря 1869 года начальство мое, получивъ телеграмму объ опасной болѣзни моего отца, разрѣшило мнѣ уѣхать домой на рождественскія каникулы тремя недѣлями раньше обыкновеннаго. Лошадей за мною прислано не было. Побѣгалъ я по постоялымъ дворамъ, чтобы найти какого-либо обратнаго извозчика, который бы согласился довести меня до дому, — никого не было. Ѣхать на почтовыхъ было дорого. На мое счастье на ба-

зарѣ нашелся одинъ крестьянинъ-угольщикъ, изъ села Паганки, гдѣ жилъ мой дядя—священникъ, и гдѣ я могъ уже получить подводу. Угольщикъ, распродавъ свой товаръ, возвращался съ пустыми санями, по бортамъ которыхъ была укрѣплена большая плетеная корзина для углей, и охотно согласился подвезти меня до с. Паганки за нѣсколько копеекъ. И вотъ, въ корзину отъ углей я тронулся въ путь. Правда, черезъ нѣсколько часовъ угольная пыль отъ корзины превратила меня въ трубочиста, но подъ защитою коробка, въ которомъ я устроился, я не боялся холода и вѣтра. И только къ вечеру, когда морозъ усилился, намъ пришлось захватить на постоялый дворъ какъ для отдыха, такъ и для подогрѣванія. Мой возница, видя, что я порядочно-таки промерзъ, угостилъ меня стаканчикомъ сивухи, который я опорожнилъ тогда съ величайшимъ наслажденіемъ, хотя не любилъ водки. На другой день рано утромъ дядя отправилъ меня на своихъ лошадяхъ домой, снабдивъ теплымъ платьемъ, и я благополучно достигъ дома. Отца моего я нашелъ тяжело больнымъ, а чрезъ нѣсколько дней я похоронилъ его, оставшись круглымъ сиротою и обладателемъ капитала въ 600 руб., который отецъ мнѣ оставилъ для окончанія образованія.

XXV. Занятія на каникулахъ.

Послѣ этого небольшого отступленія „по личному вопросу“, какъ теперь принято выражаться, продолжаю свои воспоминанія, насколько они характеризуютъ тогдашній бытъ семинаристовъ. Продолжаю о каникулахъ. Конечно, самыя интересныя каникулы были лѣтнія — съ половины іюня до 1 сентября. Семинаристы и малыши, и подростки охотно помогали своимъ родителямъ въ сельско-хозяйственныхъ работахъ страдной поры: возили съ полей и луговъ хлѣбъ и сѣно, помогали молотить хлѣбъ, ѣздили въ городъ продавать сельско-хозяйственные продукты (огурцы, яйца, хлѣбъ, медъ). По ночамъ съ крестьянскими парнями они въ полѣ стерегутъ лошадей (ночное). Словомъ, почти всѣ деревенскіе семинаристы заняты все лѣтнее каникулярное время. Совсѣмъ другое—масленица, святки и Пасха. Въ это время, какъ извѣстно, сельско-хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ затихаетъ. Но тутъ для учениковъ духовной школы дома начинается другая работа. Въ это время, а особенно на первой недѣлѣ Великаго поста, на страстной и пасхальной недѣлѣ церковныя службы идутъ почти безпрерывно. У насъ строго наблюдалось, чтобы на первой и

страстной ученики „говѣли“, т. е. исповѣдывались и причащались Св. Таинъ. Говѣніе было не на словахъ только. Великимъ постомъ у насъ въ родительскомъ домѣ не ѣли не только мяса и молока, но даже и рыбы (кромѣ Благовѣщенія и Вербнаго воскресенья, когда разрѣшалась рыба, а въ Лазареву субботу разрѣшалась икра). На первой и страстной недѣляхъ у насъ не ѣли даже постнаго масла, а въ пятницу на страстной ничего не ѣли „до звѣзды“, т. е. до 6—7 часовъ вечера. Посѣщеніе богослуженія въ этой недѣлѣ было обязательнымъ. Здѣсь ученики духовныхъ школъ являлись помощниками своимъ отцамъ. Кто разводилъ и подавалъ кадило, кто носилъ подсвѣчники, кто читалъ и пѣлъ на клиросѣ, кто писалъ по просьбѣ прихожанъ, на просфорахъ имена лицъ, поминаемыхъ „за здравіе“ и „за упокой“, — дѣла всѣмъ было достаточно. А дома приходилось помогать отцу въ перепискѣ набѣло метрикъ, обыскныхъ и исповѣдныхъ книгъ, отчетовъ о состояніи церковной кассы и клировыхъ вѣдомостей. На Пасхѣ на обязанностяхъ дѣтей духовенства было принимать отъ отцовъ и складывать въ приготовленныя посудины красныя яйца, которыми каждый изъ прихожанъ хрестосовался на первый день Пасхи съ причтомъ. Припоминаю по этому поводу бывшій у насъ въ церкви курьезный случай. Когда на пасхальную утреню работникъ батюшки, получивъ отъ послѣдняго собранныя имъ яйца, понесъ ихъ въ алтарь, чтобы положить ихъ въ посуду, у батюшки уже опять набралось достаточное количество яицъ, и онъ позвалъ работника — принять отъ него яйца. Работникъ, имѣвшій въ это время въ рукахъ кадку съ яйцами, поспѣшилъ на зовъ батюшки и, ничто же сумняшеся, прошелъ съ кадкою черезъ царскія двери къ великому негодованію причта и соблазну прихожанъ.

В. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.